

И.С. Урюпин

Архетипический синтез Востока и Запада в историко-культурном пространстве

Пьеса М.А. Булгакова «Бег»

В статье в широком историко-литературном контексте рассматривается архетипическое пространство пьесы М.А. Булгакова «Бег», вбирающее в себя онтологические и культурные «знаки» и «символы» Востока и Запада, преломляющиеся через призму русского национального мировидения. Синтезом Востока и Запада в пьесе оказывается Крым, где начался первый акт истории государства Российского (крещение князя Владимира) и где разворачивается ее заключительный акт — исход «Белой гвардии» в изгнание. Судьбы русских изгнанников, их мытарства на Востоке и Западе представлены в пьесе в образе «тараканьих бегов», восходящем к русскому фольклору и ставшем символом бессмысленного и вместе с тем драматического бытия русской интеллигенции вдали от родины.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Бег», архетипическое пространство, крымский текст, синтез Востока и Запада.

The article focuses on the analysis of the archetypal space of M.A. Bulgakov's play *Flight* considered in a broad historical and literary context. This space incorporates the ontological and cultural "signs" and "symbols" of the East and the West, seen through the lens of the Russian national worldview. Crimea turns out to be a synthesis of the East and the West in the play the stage of the first act of the Russian state history (the baptism of Prince Vladimir), as well as the locale of its final act — the flight-exodus of the "White Guard" into exile. The fate of Russian exiles, their ordeal in the East and the West are presented in the play in the image of "cockroach races", going back to Russian folklore and acting as a symbol of the meaningless and at the same time dramatic existence of Russian intelligentsia away from home.

Keywords: M.A. Bulgakov, *Flight*, archetypal space, the Crimean text, synthesis of East and West.

Проблема духовного противостояния Востока Западу и Запада Востоку, волновавшая мыслителей на протяжении веков и от невозможности ее окончательного разрешения давно перешедшая в разряд «вечных», в первой половине XX века получила новый импульс в своем развитии: стало очевидно, что Азия и Европа «обе являются хранительницами бесценной сокровищницы идей» [1. С. 398], равно дорогих и жизненно необходимых человечеству, и потому они не взаимоисключают, а дополняют друг друга. Их великим синтезом явилась Россия, у которой, по мнению Н.А. Бердяева, не «две души», как утверждал М. Горький в своей одноименной статье (1915), а одна, вбирающая в себя две ипостаси, — «азиатскую и европейскую души» [2. С. 320]. В ее неведомых глубинах органично претворились и переплавились историко-культурные, философско-психологические, ментально-онтологические токи Запада

и Востока, определившие особое призвание России — разделять и примирять цивилизации. «Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы!» [3. Т. 3. С. 244], — заявлял А.А. Блок в стихотворении «Скифы», где скифы — не только абстрактный символ стихийно-варварской природы революционного народа, но и исторически мотивированная метафора самой Руси, ибо, по замечанию Л.Н. Гумилева, «народ... "рос" — скифский», «грубый и дикий», жил «у Северного Тавра» [4. С. 207], а центр «земли русов находился в Крыму» [4. С. 206].

Крым, прародина русов, был древнейшим перекрестком культур Востока и Запада. В его недрах схоронили

И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто [5. С. 183].

Так, восхищаясь древностями Тавриды, в стихотворении «Дом Поэта» (1926) писал М.А. Волошин, вошедший «в историю крымской поэтической темы» «не только в роли Колумба» «и даже не только Америго-описателя», «но еще и в роли эстетического Кортеса» [6. С. 161] — покорителя и исследователя неведомой земли.

Прочитав в журнале «Россия» первую часть романа «Белая гвардия», М.А. Волошин пригласил М.А. Булгакова к себе в Коктебель, но не столько на безмятежный отдых, сколько на серьезный разговор о судьбе России, ее пути и призвании. Поэту импонировала позиция начинающего писателя, достаточно четко проявившаяся в его романе о Гражданской войне, — позиция объективного изображения «русской усобицы» (о чем он напомним ему в дарственной надписи к одной из своих акварелей: «Первому, кто запечатлел душу русской усобицы» [7. С. 119]). Стремление М.А. Булгакова «стать бесстрастно над красными и белыми» [8. Т. 5. С. 447] полностью совпадало с волошинским признанием в стихотворении «Гражданская война» (из цикла «Усобица», 1919): «А я стою один меж них / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других» [5. С. 113]. Очевидная близость воззрений художников на события современности стала залогом того, что «Волошин и Булгаков подружились, стали единомышленниками» [9. С. 133].

В Крыму не без влияния М.А. Волошина у М.А. Булгакова родился замысел пьесы о «бегстве» из России представителей «белой гвардии», которые, спасаясь от красного террора, вынуждены были покинуть Россию и устремиться «за горизонт». Среди них была и вторая жена писателя Л.Е. Белозерская, рассказывавшая потом М.А. Булгакову «все свои злоключения и переживания за несколько лет эмиграции, начиная от пути в Константинополь и далее» [7. С. 4]. Для многих русских интеллигентов этот путь начинался в Крыму. Из Крыма отправился на чужбину С.Н. Булгаков, «изгнанный из родины» [10. С. 115] большевистским правительством в 1922 г. и осмысливший в своем «Константинопольском дневнике» трагедию верных сынов России, ставших в одночасье «изгоями» в Европе.

«Изгой» [9. С. 176] первоначально называлась и пьеса М.А. Булгакова «Бег», прототипом одного из героев которой, приват-доцента Сергея Голубкова, по мнению Б.В. Соколова, послужил известный религиозный философ, «поскольку Голубков — анаграмма фамилии Булгаков» [11. С. 253].

Действие первого сна «Бега» не случайно разворачивается в Крыму в одном из монастырей, где укрылись от красных представители «белой гвардии», ожидающие решающего сражения с армией Буденного и уже утратившие надежду на победу. Крым в пьесе — не просто

место действия, это символический топос, исток русской цивилизации, поскольку киевский князь «Владимир крестился в Корсуни» [12. С. 381] — в Херсонесе Таврическом. Стало быть, в Крыму развернулся первый акт истории государства Российского, установившего культурные, политические, религиозные связи с Византией, то есть с Западом. Однако Крым оказался и последним актом русской истории, поскольку из Крыма осуществлялся бег-исход «белой гвардии» в изгнание. Эту историческую закономерность не мог не учитывать М.А. Булгаков, показавший трагедию богооставленности России. «Коварной страной!» [8. Т. 3. С. 222] называл Таврию генерал Чарнога. Даже монахи смирились с неизбежным поражением белых и, молясь о спасении «Святителю отче Николаю», по сути поют панихиду России, готовясь «мученический венец принимать» [8. Т. 3. С. 226]. В то же время их владыка архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский Африкан («Пастырь, пастырь недостойный!», под видом химика Махрова «покинувший овцы своя» [8. Т. 3. С. 226], «во дворце в Севастополе» убеждает генерала Хлудова в божественной необходимости бежать из страны, оправдывая свое малодушие аналогией из ветхозаветной книги Исход [Исх. 12, 37]: «И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокоф, до шестисот [тысяч] пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...» [8. Т. 3. С. 244]. Однако «сыны Израилевы» покидали ненавистный им Египет, проклиная годы рабства на чужбине, и двигались за Моисеем по пути к «обетованной земле», и потому их переход через «Черное море» был началом спасения, а переход русского воинства через Черное море в изгнание предвещал потерю родной земли и страдания. Это понимал Хлудов, выдвинувший убедительный библейский контраргумент:

«Помню-с, читал от скуки ночью в купе. “Ты дунул духом твоим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...” Про кого это сказано? А? “Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытитесь ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...”» [8. Т. 3. С. 244].

В Библии «это сказано» о преследующих «сынов Израиля» слугах фараона, которых своим карающим мечом жестоко накажет Господь. Но Он же многочисленными бедствиями испытывает и свой народ, прежде чем дарует ему свободу. В сознании Хлудова эти два акта трагической истории библейского народа контаминируют, становясь зловещим знаком судьбы белой армии, частью «истребленной», а частью «погруженной, как свинец, в великие волны» первой русской эмиграции. Суровые испытания предрекает и архиепископ Африкан «чадам своим, Христовому именитому воинству» [8. Т. 3. С. 233], их предвестие — «зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз», который «сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп» [8. Т. 3. С. 227].

«На неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма», которую не удастся обогреть «переносными железными черными печками», решается участь «белой гвардии», впрочем, она уже определена: «Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей» [8. Т. 3. С. 227].

«Хлудов. Три часа тому назад противник взял Юшунь.
Большевики в Крыму.
Главнокомандующий. Конец?!
Хлудов. Конец» [8. Т. 3. С. 232].

Этот чрезвычайно важный, судьбоносный момент Гражданской войны, зафиксированный в пьесе М.А. Булгакова, становится кульминационным и в повести А.Г. Малышкина «Падение Дaira» (1921), в которой дан взгляд на произошедшие события из стана красных, воспринявших взятие Перекопа как обретение «обетованной земли», «где молоко, мясо и мед» [13. Т. 1. С. 145]:

«В двенадцать часов без выстрела форсирована терраса. Противник бежал, угрожаемый красными дивизиями с тыла. Соединившиеся части атакуют первую линию Эншуньских укреплений» [13. Т. 1. С. 143]; «исторический вечер 7 ноября — первый прорыв левого сектора Эншуньских дефиле» [13. Т. 1. С. 144]. Потерпевшие поражение последние защитники Крыма вынуждены были бежать «к кораблям»: «толпы бежали по дамбам, топча брошенные узлы и тюки, под бегущими зыбкой обвисали и трещали сходни, с берега кричали и проклинали оставленные, гудки кричали угрюмо с берега в нависающую жуткую расправу и смерть» [13. Т. 1. С. 148].

В русской литературе послереволюционного десятилетия, особенно в творчестве писателей, покинувших Россию (И.А. Бунин, Н.А. Тэффи, Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт и др.), бег является осевым лейтмотивом. Он становится центральным и в одноименной булгаковской пьесе, приобретая символично-архетипическое значение: это не только неутомимый ход времени, движение истории, «коренные изменения, вызванные победой революции» [14. С. 142], но и мытарства русской интеллигенции — ее «хождение по мукам», путь от себя и к себе, который проделали главные герои произведения Сергей Голубков и Серафима Корзухина. Если в начале пьесы они сетовали на судьбу, вырвавшую их из привычного круга жизни («Из Петербурга бежим, все бежим да бежим...» [8. Т. 3. С. 235]), то в конце, испив горькую чашу скитаний и осознав ценность настоящих человеческих чувств, признаются: «Куда, зачем мы бежали?» [8. Т. 3. С. 276]. В постижении смысла бытия герои «Бега» повторили траекторию нравственно-психологических и философско-политических исканий русских эмигрантов первой волны — в целом и в частности Л.Е. Белозерской, которая, пройдя испытание эмиграцией, в конце 1923 г. вернулась в Россию и поведала о своей жизни в изгнании в книге воспоминаний «У чужого порога».

«Вся первая часть, посвященная Константинополю, — замечала Л.Е. Белозерская, — рассказана мной в мельчайших подробностях Михаилу Афанасьевичу Булгакову, и можно смело сказать, что она легла в основу его творческой лаборатории при написании пьесы “Бег”...» [7. С. 4]. Образ Константинополя, созданный в ней драматургом, оказался не просто достоверным, но и во многом аллегорическим, ведь М.А. Булгаков из огромного фактического материала, предоставленного его женой, «как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения» [7. С. 175], чтобы показать великий перекресток цивилизаций, символический «Гран-Базар» [8. Т. 3. С. 257], где схлестнулись Восток и Запад. Отсюда такие точные, эпически-развернутые ремарки, предвещающие драматические сны-видения в городе контрастов и противоречий, в «городе-кентавре», соединившем Европу и Азию, Царьград и Стамбул: «Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная “Разлука”, стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов» [8. Т. 3. С. 250].

Трудно согласиться с В.И. Немцевым, утверждающим, что в пьесе «места пребывания потерпевших гражданское поражение русских только служат фоном, усиливающим их личную трагедию» [15. С. 106]. Разве только фоном для русских эмигрантов являлся Константинополь, с которым на протяжении веков связывались надежды на возрождение мирового православного царства (о чем страстно мечтали Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» и К.Н. Леонтьев в книге «Византизм и славянство»)? Да и сам Царьград, по воле Провидения завоеванный турками-османами в 1453 г., стал «изгоем» на своей земле, насильственно был лишен своего исторического имени и предназначения, превратившись в Стамбул¹. Потому так

¹ Просто «в город» — «крым.-тат. Ystambul, Stambul <...> из нов.-греч. Στήιολι от выражения εἰς τὴν Πόλιν» [16. Т. 3. С. 744].

неуютно чувствуют себя в нем русские «изгои» («У, гнусный город!») [8. Т. 3. С. 259], униженные и обездоленные («Сдыхаем с голоду» [8. Т. 3. С. 260]), на каждом шагу сталкивающиеся с презрением и подозрением («Насмотрелись мы тут» [8. Т. 3. С. 260]). Константинополь, столица Византийской империи, древнейшая колыбель европейской культуры, оказался центром восточной цивилизации — Османской (Оттоманской) империи, и «Восток» в нем окончательно победил «Запад». Восточная ментальность оказалась чужда русским эмигрантам с их европейским комплексом мыслей и чувств. В этом, видимо, причина того, что Константинополь, пропустивший через себя большую часть бежавших от большевистского режима граждан поверженной Российской империи, не стал наряду с Берлином и Парижем центром русской эмиграции.

Л.Е. Белозерскую в Константинополе поражало не столько многообразие культур, сколько их ярко проявляющаяся автономность (и даже некоторая несовместимость) по отношению друг к другу. В «европейской части Константинополя, самой шикарной» под названием Пера «расположены посольства, лучшие магазины, отели» («Улица Пера шириной с наш старый Арбат — с трамваями, ослиами, автомобилями, парными извозчиками, пешеходами» [7. С. 7]), в «исконно турецкой», по имени которой официально называется и весь город — Стамбул, находится «Блистательная Порта (Совет министров)» («Турецкие дома с плотными жалюзи на окнах, со своей замкнутой, береженной от постороннего глаза жизнью» [7. С. 7]). Эта автономность присутствует и в пьесе М.А. Булгакова «Бег», где драматург противопоставил богатую Перу, чуть было не ставшую местом падения Серафимы («Мужчин пошла ловить на Перу» [8. Т. 3. С. 260]), бедному кварталу в Стамбуле, где нашли приют несчастные беженцы из России («Каменная скамья у калитки. Пovyше дома — кривой пустынный переулочек. Солнце садится за балюстраду минарета» [8. Т. 3. С. 256]; «Ах, Стамбул...» [8. Т. 3. С. 261]).

Контраст «азиатских переулков» «сонного Стамбула» [17. Т. 3. С. 569] и «блестящей сотнями витрин» Перы, где «развешаются над посольствами иноземные флаги, двенадцатизычная толпа шумит, суетится, шатается из лавок в лавки» [17. Т. 3. С. 557], характерен и для романа А.Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924), в котором, в частности, показана суровая жизнь русских эмигрантов на берегу Мраморного моря: «*На Перу кучками бродят русские офицеры с черепом и костями на погонах, в измятых лихо картузиках, с облезлыми маузерами, торчащими из кармана. Странно и нище одетые русские женщины с тоской отворачиваются от витрин*» [17. Т. 3. С. 557]. Чтобы выжить в громадном чужом городе, Семен Иванович Невзоров, «уничтоженный, брошенный судьбою на дно» [17. Т. 3. С. 567], во что бы то ни стало решает бороться с враждебными обстоятельствами, и в его сознании рождается гениальная идея — «*Тараканьи бега*» («Это законно. Это ново. Это азартно») [17. Т. 3. С. 567], немедленно воплощающаяся в жизнь (курсив А.Н. Толстого. — И. У.). «И вот в кафейной грека Синопли появилась над дверью, над портретами Невзорова и Ртищева, вывеска поперек тротуара:

БЕГА ДРЕССИРОВАННЫХ ТАРАКАНОВ.

«Народное русское развлечение»

(курсив А.Н. Толстого) [17. Т. 3. С. 568].

Никогда не существовавшая в реальности достопримечательность Константинополя — «тараканьи бега», возникшая первоначально в воображении А.Т. Аверченко (рассказ «Константинопольский зверинец») и перешедшая затем в роман А.Н. Толстого, нашла отражение и в пьесе М.А. Булгакова: «*Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: "Стой!*

Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!! Русская азартная игра с дозволения полиции» [8. Т. 3. С. 250].

Тараканьи бега — архетипический образ, восходящий к русскому фольклору, в котором таракан выступал то «одним из воплощений домового» [18. С. 5], то связывался с «душами умерших родственников» [18. С. 5], то соотносился с человеком, обреченным на смерть-жертву. Отсюда в русской глубинке получил распространение обряд «похорон таракана», в котором этнограф И.А. Морозов усматривает древнейший ритуал прощания «нового со старым», этот обряд сопровождался «предпохоронной» «беготней» по селу с «заплачками», а потом завершался «скатыванием саней или телеги в овраг» [18. С. 4]. Суэта «тараканьих» похорон, нарочито нагнетавшаяся в обряде, подчеркивала скоротечность жизни в погоне за мнимыми, ничтожными ценностями. Утраченный уже в 1920-е годы ритуал «похорон таракана» вызвал в воображении русских писателей образ «тараканьих бегов». «Это лишь горькая гипербола и символ, — полагала Л.Е. Белозерская, — вот, мол, ничего иного эмигрантам и не остается, кроме тараканьих бегов» [7. С. 176] — напрасной суеты в погоне за призрачными ценностями и мнимыми достижениями. Образ «тараканьих бегов» очень удачно передает «общее состояние сорвавшегося со своих привычных устоев мира (недаром карусель Артура Артуровича украшена флагами разных стран и надписями на русском, английском и французском языках)» [19. С. 101—102]. «Тараканий царь» Артур Артурович, режиссируя «бега», пытается управлять не столько тараканами, сколько «беспорядочным перемещением мелких и мельчайших человеческих частиц, заряженных несовпадающими интересами» [20. С. 188], провоцируя скандалы («Жульничество!» [8. Т. 3. С. 254]) и распаяя низменные страсти публики («Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи <...> Сон вдруг разваливается. Тьма... Настает тишина, и течет новый сон» [8. Т. 3. С. 255]).

В этом сне персонажи булгаковской пьесы хотят забыть константинопольский кошмар («Голубков. *Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сию-то? Пора!*» [8. Т. 3. С. 263]) и мечтают о другой, яркой и счастливой жизни. «*В Париж или в Берлин, куда податься? — раздумывал генерал Чарнота. — В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра*» [8. Т. 3. С. 259].

В творчестве М.А. Булгакова и Мадрид, и Берлин, да и вообще вся Европа «заселена» русскими эмигрантами, но возжеленной целью для многих из них все же оставался Париж. «*В Париж! В Париж!*» [8. Т. 3. С. 262] — устремляется Люська в пьесе «Бег»; «*В Париж так в Париж!*» — соглашается с ней Чарнота: «*вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю, думал — в Мадрид, но Париж — это, пожалуй, как-то пристойнее*» [8. Т. 3. С. 263]. Слова «*В Париж! В Париж!*» вызывают ассоциацию со знаменитой фразой «*В Москву! В Москву! В Москву!*» из пьесы А.П. Чехова «Три сестры». Подобно чеховским сестрам, уставшим от прозябания в провинциальной глуши и мечтавшим о настоящей, наполненной высоким смыслом жизни в Москве, русские эмигранты тосковали о Париже, блистательной европейской столице, где человеку открываются широкие возможности и где, как им казалось, легко реализовать свой духовно-культурный потенциал, невостремленный в чуждом русским европейцам азиатском Стамбуле.

О Париже грезят герои многих произведений М.А. Булгакова. Кульминация пьесы «Бег», представляющая собой драматическую любовную историю — отречение Корзухина от жены Серафимы Владимировны («у меня нет никакой жены» [8. Т. 3. С. 265]) и откровение Голубкова о своих нежных чувствах к этой самоотверженной женщине («*Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты*» [8. Т. 3. С. 266]), разворачивается на фоне «осен-

него заката в Париже» [8. Т. 3. С. 264]. Парижская авантюра Голубкова и Чарноты, затеянная для спасения Серафимы от голодной смерти, закончилась выигрышем в карточной игре у бывшего товарища министра торговли двадцати тысяч долларов, которые своим недавним соотечественникам беспрепятственно помогла вынести из особняка Корзухина его «личный секретарь» — «русская эмигрантка», «принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль» [8. Т. 3. С. 265]. В «этом очаровательнейшем существе», «настолько тронувшем сердце» бессердечного Парамона Ильича, что он «намерен вскоре на ней жениться» [8. Т. 3. С. 265], герои узнают «походную жену генерала Чарноты» [8. Т. 3. С. 216] Люську, сумевшую пойти на компромисс с совестью, чтобы выжить во враждебной среде чужбины. Чередой сплошных компромиссов стала и жизнь самого Чарноты, которому ничего не остается в этом мире, кроме скитаний и бессмысленного прозябания на тараканьем тотализаторе: «я как Вечный Жид отныне! Летучий Голландец я!» [8. Т. 3. С. 278].

Заключение

Блаженством представляется М.А. Булгакову обретение покоя от земной суеты «тараканьих бегов», от бессмысленной жизненной беготни и рокового «бега» истории. Об этом напоминают слова Жуковского, предпосланные эпиграфом к булгаковской пьесе:

Бессмертье — тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!.. [8. Т. 3. С. 216].

Метафизика «бега», представленная писателем в пространстве архетипического синтеза культурно-аксиологических токов Востока и Запада, становится формой и содержанием бытия русской интеллигенции, пережившей шторм революции и выброшенной на «брег» изгнания. Удел изгнания и вечного Агасферова странствия оказывается уготован тем булгаковским героям, которые не способны преодолеть тяготение земной «черноты» (как генерал Чарнота) и устремиться от тьмы «тараканьего» прозябания к «тихому, светлому» берегу неземной отчизны (мотив крылатости не случайно эксплицируется в семантике фамилий Голубкова и Серафимы). Романтическая мечта / иллюзия М.А. Булгакова о покое как о единственно возможном пути к бессмертию, художественно претворившись в пьесе «Бег», получит свое окончательное воплощение уже в «закатном» романе «Мастер и Маргарита».

Литература

1. Гринцер П.А. Восток—Запад // Теоретико-литературные итоги XX века. — М.: Наука, 2003. — Т. 2. Художественный текст и контекст культуры. — С. 397—402.
2. Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.
3. Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Правда, 1971.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Эксмо, 2008.
5. Волошин М.А. Любовь — вся жизнь: Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. — Симферополь: ДИ-АЙПИ, 2008.
6. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. — СПб.: Алетейя, 2003.
7. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. — М.: Худож. лит., 1989.

References

1. Grintser P.A. Vostok—Zapad // Teoretiko-literaturnye itogi XX veka. — M.: Nauka, 2003. — T. 2. Khudozhestvennyy tekst i kontekst kul'tury. — S. 397—402.
2. Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii: Sochineniya. — M.: EhKSMO-Press; Khar'kov: Folio, 1998.
3. Blok A.A. Sobr. soch.: V 6 t. — M.: Pravda, 1971.
4. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step'. — M.: Ehksmo, 2008.
5. Voloshin M.A. Lyubov' — vsya zhizn': Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i. Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine. — Simferopol': DI-AJPI, 2008.
6. Lyusyj A.P. Krymskiy tekst v russkoj literature. — Spb.: Aletejya, 2003.

8. Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. — М.: Худож. лит., 1989—1990.

9. Булгаков М. Дневник. Письма. 1914—1940. — М.: Совр. писатель, 1997.

10. Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. — Орел: Изд-во ОГТБК, 1998.

11. Соколов Б.В. Сергей Булгаков и Михаил Булгаков // Два Булгакова. Разные судьбы: В 2-х кн. — Кн. 1. Сергей Николаевич. — М.; Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. — С. 247—253.

12. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. — СПб.: Юна, 1999.

13. Малышкин А.Г. Избр. произведения: В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1978.

14. Новиков В.В. Михаил Булгаков — художник. — М.: Московский рабочий, 1996.

15. Немцев В.И. Произведения Михаила Булгакова в аспекте литературных связей. — Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — М.: Прогресс, 1986—1987.

17. Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Худож. лит., 1982—1986.

18. Морозов И.А. Из рязанского этнодиалектного словаря: «Похороны таракана» // Живая старина. — 1996. — № 4. — С. 4—6.

19. Канунникова И. Мотив картежной игры в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» и песне М.А. Булгакова «Бег» // «... Главный светоч нашей литературы» / Сб. под ред. Н.П. Пищулина. — М., 1999. — С. 99—108.

20. Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. — М.: Искусство, 1989.

7. Belozerskaya-Bulgakova L.E. Vospominaniya. — М.: Khudozh. lit., 1989.

8. Bulgakov M.A. Sobr. soch.: V 5 t. — М.: Khudozh. lit., 1989—1990.

9. Bulgakov M. Dnevnik. Pis'ma. 1914—1940. — М.: Sovr. pisatel', 1997.

10. Bulgakov S.N. Avtobiograficheskie zametki. Dnevnik. Stat'i. — Орел: Изд-во ОГТБК, 1998.

11. Sokolov B.V. Sergej Bulgakov i Mikhail Bulgakov // Dva Bulgakova. Raznye sud'by: V 2-kh kn. — Кн. 1. Sergej Nikolaevich. — М.; Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2002. — С. 247—253.

12. Panchenko A.M. Russkaya istoriya i kul'tura: Raboty raznykh let. — СПб.: Yuna, 1999.

13. Malyshekin A.G. Izbr. proizvedeniya: V 2-kh t. — М.: Khudozh. lit., 1978.

14. Novikov V.V. Mikhail Bulgakov — khudozhnik. — М.: Moskovskij rabochij, 1996.

15. Nemtsev V.I. Proizvedeniya Mikhaila Bulgakova v aspekte literaturnykh svyazey. — Samara: Izd-vo SamGPU, 2002.

16. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. — М.: Progress, 1986—1987.

17. Tolstoj A.N. Sobr. soch.: V 10 t. — М.: Khudozh. lit., 1982—1986.

18. Morozov I.A. Iz ryzanskogo ehtnodialektnogo slovarya: «Pokhorony tarakana» // Zhivaya starina. — 1996. — № 4. — С. 4—6.

19. Kanunnikova I. Motiv kartezhnoj igry v povesti A.S. Pushkina «Pikovaya dama» i p'ese M.A. Bulgakova «Beg» // «... Glavnij svetoch nashej literatury» / Sb. pod red. N.P. Pishhulina. — М., 1999. — С. 99—108.

20. Smelyanskij A.M. Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre. — М.: Iskusstvo, 1989.

Урюпин Игорь Сергеевич,

доктор филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
XX века и зарубежной литературы
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Uryupin Igor S.,

Doctor of Philology, Associate Professor at the Department
of Russian 20th century Literature and Foreign Literature
I.A. Bunin Yelets State University

E-mail: isuryupin78@mail.ru

